Вернувшись в Рим, он тесно связал себя с группой реформаторов в сенате, которую возглавляли Аппий Клавдий и Публий Лициний Красс Муциан. Он женился на дочери Аппия, а его младший брат Гай женился на дочери второго из этих руководителей. В согласии с ними и под влиянием собственного опыта Тиберий разработал обширный проект, главной целью которого было улучшение боеспособности армии, опозорившей себя капитуляцией под Нуманцией. Он считал, что достичь этой цели можно лишь одним способом — улучшить положение римского крестьянства и увеличить его численность путем наделения землей тех римских граждан, у которых земли было мало или не было вовсе. Столь радикальную реформу можно было провести только через народное собрание; а поскольку по римскому обычаю право законодательной инициативы принадлежало трибунам, Тиберий выставил свою кандидатуру на должность народного трибуна на 133 год до н. э. и изложил свою программу в предвыборных речах. После избрания он немедленно внес свои аграрные предложения в народное собрание; по его словам, они были не чем иным, как повторением уже существовавшего закона. Ни одному гражданину не разрешалось владеть более чем 500 югерами общественной земли; однако этот максимум удваивался, если у человека было двое взрослых сыновей. Вся остальная общественная земля, которой в настоящее время пользовались крупные землевладельцы, должна была быть у них отобрана и распределена между безземельными римскими гражданами. С другой стороны, разрешенное количество земли — 500 или 1000 югеров — должно было перейти в собственность нынешнего владельца, причем государство отказывалось от своих прав собственника. Но земля, предоставленная нуждающимся, не становилась их частной собственностью: новые владельцы не могли ее продавать и должны были уплачивать в казну особый налог или арендную плату (vectigal). Для проведения закона в жизнь предусматривалось назначение комиссии из трех человек, наделенной полномочиями изымать земли и выносить решения в спорных случаях и обязанной распределять землю между теми, у кого ее было мало или вовсе не было.

Когда это предложение было внесено в народное собрание, оно раскололо римских граждан на два лагеря — богатых и бедных; такое же воздействие оно оказало и на союзников, среди которых аграрные условия мало отличались от римских и где местная аристократия занимала значительное количество земли, принадлежавшей либо Риму, либо соответствующей общине. Богатые сплотились вокруг большинства сената, тогда как бедные всеми силами поддерживали Гракха. Когда наступил день голосования, в Риме собралось множество крестьян, причем некоторые прибыли из отдаленных общин граждан и союзников. Было ясно, что, если закон будет поставлен на голосование, он пройдет подавляющим большинством. Сенат решил прибегнуть к древнему конституционному средству. Некоторые трибуны встали на сторону сената, и один из них, Октавий, наложил вето на проведение голосования. Это означало смертный приговор закону. Тиберий убеждал сенат не противодействовать закону, но напрасно. Теперь перед ним оставалось либо признать поражение, либо прибегнуть к неконституционным мерам. После долгих колебаний он избрал второй путь. Он внес в народное собрание беспрецедентное предложение — отрешить трибуна от должности за измену делу народа, которое тот, согласно первоначальному назначению трибуната, был обязан защищать. После этого народ проголосовал за отстранение Октавия от должности и назначение на его место преемника; затем был принят аграрный закон. В соответствии с законом была назначена и комиссия. Она состояла из трех человек — Тиберия Гракха, его тестя Аппия Клавдия и его брата Гая Гракха, двадцатилетнего юноши. Комиссия немедленно приступила к работе.

Без поддержки трибунов комиссия была бессильна, и успех ее деятельности целиком зависел от того, каким окажется состав этой коллегии в следующем году. Кроме того, Гракх вовсе не намеревался ограничиваться принятием своего аграрного закона. Когда Аттал завещал свое Пергамское царство римскому народу, Гракх нарушил установившийся обычай и, не посоветовавшись с сенатом, провел через народное собрание закон, предусматривавший организацию новой римской провинции и использование на-

следства для пополнения средств земельной комиссии. Очевидно, его целью было передать как можно больше государственных дел из ведения сената на непосредственное решение народного собрания. А для этого было совершенно необходимо, чтобы коллегия трибунов на следующий год сочувствовала политике Тиберия и чтобы он сам входил в ее состав.

Поэтому он вновь выставил свою кандидатуру на 132 год до н. э. и одновременно стремился провести на остальные места своих кандидатов. Хотя прямого закона, запрещавшего переизбрание трибуна, не существовало, это противоречило установившемуся обычаю, который в Риме нередко был сильнее писаного закона; поэтому намерение Тиберия вновь выставить свою кандидатуру вызвало яростные нападки его противников. Суровой критике подверглась и его предвыборная программа. В нее входили предложения сократить срок военной службы, изменить состав судов присяжных и облегчить союзникам доступ к римскому гражданству. Сенат верил или делал вид, что верит, будто Тиберий стремится к монархии, к тирании греческого типа. В день выборов многие его сторонники, занятые сельскохозяйственными работами, не смогли явиться, и сенатская партия воспользовалась этой слабостью, чтобы перейти к решительному нападению. В конце концов на открытом пространстве перед Капитолийским храмом произошло вооруженное столкновение: Тиберий был убит, многие его сторонники погибли в схватке, а еще большее число впоследствии было приговорено к смерти. Убийство Тиберия, несомненно, было революционным и незаконным актом; однако сенат оправдывал его как подавление мятежа, начатого трибуном.

И все же радикальные реформаторы не считали себя побежденной партией. Их деятельность возобновилась, когда Гай Гракх, младший брат Тиберия, проведя два года на Сардинии в должности квестора, достиг возраста, позволявшего ему выставить свою кандидатуру на должность трибуна. В 124 году до н. э. он был избран на должность, которую должен был занять в следующем году, и немедленно выступил с широкой программой реформ, разработанной гораздо точнее, чем программа его брата. Точный

порядок, в котором Гай Гракх проводил свои различные законы, неизвестен; однако о каждом из них мы располагаем более или менее подробными сведениями. Вероятно, большинство этих законов было принято в первый год его пребывания в должности. Они составили программу так называемой демократической партии, возникшей в Риме после смерти Гракхов и ведшей непрерывную борьбу с сенатом. Основные цели Гая можно свести к следующему.

Прежде всего он стремился передать решение всех важнейших государственных дел от сената народному собранию, или, иными словами, установить в Риме демократию по афинскому образцу. Для достижения этой цели не требовалось никакого специального закона: согласно государственному устройству, все важнейшие дела теоретически и без того решались народным собранием; нововведение заключалось в том, что вопросы, которые до сих пор по обычаю решались сенатом, Гракх как трибун теперь выносил на рассмотрение и решение народного собрания. Во-вторых, чтобы осуществить изъятие общественной земли в более широких масштабах и возродить систему наделения граждан землей, он провел новый аграрный закон. Согласно его плану, земельные наделы не должны были ограничиваться Италией: для той же цели предполагалось использовать и общественные земли в провинциях. Он провел несколько законов об основании римских колоний в Южной Италии и провинциях; одна из них должна была занять место, покрытое развалинами Карфагена. В-третьих, он намеревался распространить права римского гражданства на латинов и, вероятно, также на италийских союзников. Закон такого содержания он внес еще в первый год своего трибуната, но не сумел провести его через народное собрание даже в следующем году. Этот вопрос был тесно связан с его аграрным законом, поскольку часть общественной земли занимали латинские и союзные общины, а также крупные землевладельцы, являвшиеся гражданами этих общин. В-четвертых, наконец, существовал еще один закон, вероятно связанный с предыдущим, который изменял условия военной службы как для граждан, так и для союзников.

Наряду с этими четырьмя основными законами Гракх выдви-

нул и другие, не менее важные, хотя, возможно, не намеревался сохранять их в качестве постоянных мер, а использовал как оружие против своих противников. Главный из них касался судов присяжных, которые отныне не должны были состоять исключительно из сенаторов; в их состав теперь включались и всадники (equites), вероятно в равном числе. Этот класс деловых людей и капиталистов, который, если не считать военной службы, до тех пор не принимал активного участия в государственных делах, уже обладал значительной силой, а теперь приобрел большое политическое влияние, поскольку в этих судах разбирались не только гражданские тяжбы, но и дела римских магистратов, злоупотреблявших своей властью. Одновременно закон об устройстве провинции Азия расширил деятельность всадников в сфере государственных финансов. Прежде сборы и налоги, взимавшиеся в Малой Азии, выплачивались правительствами отдельных городов римскому наместнику, а тот передавал их в казну в Риме; теперь же сбор этих доходов отдавался на откуп компаниям римских капиталистов, которые взимали причитавшиеся суммы через своих агентов. На некоторое время, пока сенаторы не примирились с переменой, эти меры вызвали раскол между сенатом и всадниками, что и являлось главной целью Гракха. Их непосредственным результатом стало улучшение отправления правосудия и увеличение государственных доходов; но впоследствии они лишь усложнили положение и сделали его еще хуже, увеличив число людей, которые могли обогащаться за счет провинций, не предоставляя их жителям никаких новых гарантий или справедливого и честного управления.

Не меньшее значение для дальнейшей истории Рима имел так называемый «хлебный закон» Гракха, согласно которому государство обязывалось продавать гражданам столицы зерно по цене ниже рыночной. Такая мера вполне соответствовала духу греческой демократии, исходившей из того, что граждане имеют право распоряжаться государственными доходами по своему усмотрению, или, иными словами, расходовать общественные деньги на содержание и удобства частных граждан. Римская городская масса встретила этот закон с энтузиазмом. Обычай кормить римскую

толпу за счет провинций пережил не только Гракха, но и саму республику, хотя, возможно, сам Гракх рассматривал этот закон лишь как временное оружие в борьбе, которое должно было обеспечить ему поддержку низших слоев — главного источника его силы. С той же целью, а также для облегчения перераспределения земли и обеспечения рынка для новых поселенцев он начал строительство ряда новых дорог в Италии, имевших как экономическое, так и военное значение.

Вероятно, незадолго до трибуната Гракха был принят закон, допускавший переизбрание трибуна; поэтому его кандидатура на 122 год до н. э. не встретила того сопротивления, которое привело к гибели его брата. Однако сенату удалось обеспечить избрание другого кандидата — М. Ливия Друза, способного и влиятельного сторонника сенатской партии, красноречивого оратора и искусного демагога. Когда Гракх отправился в Карфаген, чтобы организовать там колонию римских граждан, и отсутствовал семьдесят дней, Друз развернул яростную агитацию против своего коллеги. Он возбуждал против него суеверия толпы, указывая, что земля Карфагена после разрушения города была предана проклятию. Он также выступал против всего замысла заморской колонизации и от имени сената предложил основать в Италии двенадцать колоний по 3000 граждан в каждой. Эти нападки и встречные предложения в значительной степени подорвали влияние Гракха. Его положение стало еще труднее, когда по возвращении в Рим он попытался провести через народное собрание законопроекты о предоставлении латинам полного римского гражданства, а италийским городам — латинского права. Сенат ответил на эти предложения изгнанием из города всех, кто не был римским гражданином, и развернул ожесточенную кампанию против нового законодательства. В этой агитации участвовал даже консул Фанний, избрание которого поддерживал Гракх. Законопроекты были отвергнуты, а Гракх, вновь выставивший свою кандидатуру на должность трибуна на следующий год, потерпел поражение.

За этим поражением последовала борьба между его сторонниками и сторонниками сената. Сам он по-прежнему оставал-

ся одним из трех членов комиссии, назначенной для устройства поселенцев в Карфагене, и потому его официальное положение защищало его от судебного преследования. Но авгуров встревожили знамения в Карфагене, где гиены ночью выкопали межевые камни; и сенат, действуя на основании их представлений, предложил народному собранию отменить закон об основании колонии. Предложение об отмене закона внес в собрание один из трибунов. В день голосования народ собрался на Капитолии. Гракха окружали его вооруженные сторонники. До начала голосования некий Квинт Антуллий был при загадочных обстоятельствах убит одним из людей из толпы, окружавшей Гракха, причем в его присутствии. Сенат воспользовался этим предлогом, чтобы объявить Гракха и его сторонников мятежниками, мобилизовать всадников, которые уже отказали трибуну в своей поддержке, и призвать на помощь отряд критских лучников, случайно находившийся в Риме. Другая сторона также взялась за оружие. Ее сторонники заняли Авентин, большинство жителей которого принадлежало к пролетариату, и укрепились в храме Дианы. Авентин был взят штурмом силами сената. Гракх бежал; и, когда враги настигли его, он покончил с собой в роще Фуррины на правом берегу Тибра. Около 250 его сторонников погибли вместе с ним в бою, а почти 3000 впоследствии были казнены без суда — мера, оправданная senatus consultum ultimum, то есть объявлением чрезвычайного положения, фактически состояния войны.

За смертью Гая Гракха последовала консервативная реакция. Однако некоторые его законы, например хлебный закон, его противники не решились отменить. Закон, допускавший всадников в состав судов присяжных и передававший сбор налогов в Азии компаниям откупщиков, также некоторое время сохранялся. Не был отменен и аграрный закон. Комиссия, созданная Тиберием и возобновленная Гаем, еще некоторое время продолжала действовать. Но сначала она лишилась права разрешать споры между прежними и новыми владельцами; затем был снят запрет на продажу земельных наделов; наконец, комиссия вовсе прекратила работу, а участки начали вновь переходить в руки капиталистов.

И все же идеи, вдохновлявшие Гракхов, не были уничтожены этой реакцией. После их смерти их дело продолжила группа сторонников, принявшая название populares — защитников народа. Их усилия были направлены главным образом против сената, а оружием служили меры, предложенные Гаем Гракхом, которые теперь стали программой народной партии. В противовес populares сенатская партия стала называться optimates — «лучшими людьми». Борьба между этими двумя партиями вращалась не столько вокруг главных пунктов программы Гракха — полного контроля со стороны народного собрания, наделения нуждающихся землей, колонизации провинций римскими гражданами, — сколько вокруг вопроса о том, в чьих руках должно находиться управление государством. Демократы стремились вырвать его из рук сената, тогда как оптиматы боролись за сохранение своего прежнего и неоспоримого контроля над государственными делами. Эта борьба продолжалась долго и привела к гражданским войнам, исключительным по своей продолжительности и ожесточенности.

Деятельность Гракхов была предметом страстных споров и оценивалась совершенно по-разному как при их жизни, так и после их смерти. Римские политические деятели резко разделились на две группы, или партии, для одной из которых Гракхи были героями, а для другой — преступниками. В бурной политической обстановке того времени умеренное и беспристрастное суждение было невозможно. Не намного легче эта задача и для современного историка. Наш собственный век полон тех же резких политических противоречий, которые были характерны для эпохи Гракхов и времени, непосредственно последовавшего за их смертью; и современные мыслители также расходятся в своих оценках. Несомненно, Гракхами руководили самые благородные намерения и они были полностью убеждены в правоте своих действий. Но столь же несомненно и то, что они не осознавали всей трудности и сложности положения; и маловероятно, чтобы они предвидели конечные результаты своей революционной политики. Даже если бы программа братьев была осуществлена полностью, едва ли этого оказалось бы достаточно для коренного изменения положения. Установить в

Риме демократию греческого типа было мечтой или фарсом; а наделение землей даже каждого представителя пролетариата никогда не смогло бы вернуть времена, когда государство прочно опиралось на сильное крестьянское население. Им следовало учитывать силу и влияние высших классов и признать тот факт, что Рим превратился во всемирную державу. Правильный путь заключался в том, чтобы смягчать, а не ожесточать отношения между классами, разработать новые формы управления для Римской империи, а не пытаться искусственно вернуть к жизни древние демократические учреждения Греции. Но Гракхи этого не сделали и даже не пытались сделать; поэтому их деятельность привела лишь к затяжному и кровопролитному конфликту.

ГЛАВА X

Начало гражданской войны. Союзники. Марий и Сулла

Насколько сильно государство было ослаблено первыми проявлениями острой партийной борьбы, начатой Гракхами, показали события, последовавшие за смертью младшего из братьев. Вероятно, надеясь отвлечь внимание народа от острых вопросов, поднятых Гракхами, сенат сразу же после своей победы внутри страны начал целую серию внешних войн. Эти войны напоминали последнюю кампанию против Карфагена. Их целью было содействовать финансовым интересам крупных землевладельцев, составлявших правящий класс, расширить территорию Римского государства в Галлии и Африке, а также отвлечь внимание народа от внутренних дел. Предполагалось отправить туда в качестве колонистов беспокойную часть пролетариата. Сенаторы надеялись также найти выгодное применение своим капиталам, скупая земли, отнятые у местного населения.

Первое нападение было предпринято без какого-либо разумного предлога против независимых племен Галлии, обитавших в окрестностях Массилии. Между 125 и 121 годами до н. э. значительная часть долины Роны была занята римскими армиями и превращена в римскую провинцию. В 118 году до н. э. была основана Нарбона, первая римская колония за пределами Италии, и по ее имени провинция получила название Нарбонской Галлии (Gallia Narbonensis). Приблизительно в то же время в Африке начались

военные действия против наследников Масиниссы. Югурта, один из внуков Масиниссы, стремился лишить своих двоюродных братьев принадлежавших им долей Нумидийского царства. Тогда вмешались римляне, и, когда Югурта отказался подчиниться их требованиям, началась война. Историю этой войны изложил Саллюстий, сторонник Цезаря, стремившийся представить в самых мрачных красках порочную внешнюю политику сената и показать продажность и корыстолюбие сенаторов как класса. Сама по себе война не имела особого значения; но она дала противникам сената удобный повод, которым они воспользовались, чтобы обвинить назначенных сенатом полководцев во множестве тяжких преступлений. Поскольку в нашем распоряжении почти нет других источников, кроме повествования Саллюстия, мы не знаем, насколько справедливы были эти обвинения; однако несомненно, что многие полководцы, посланные сенатом в Африку, были нечестны и неспособны и что Югурте при помощи подкупа удалось на некоторое время затянуть войну. Несомненно также, что эта война была совершенно ненужной и что гибель тысяч римских солдат была следствием действий не только сенатской партии, но и ее противников, настаивавших на том, чтобы раз уж война началась, она велась со всей энергией. Война выдвинула на первый план способного полководца Гая Мария, уроженца Арпина в Сабинской области и представителя всаднического сословия. Народная партия противопоставляла его полководцам, назначавшимся сенатом. При поддержке этой партии он был избран консулом на 107 год до н. э. и отправлен в Нумидию, где за два года действительно завершил войну, которая до его назначения продолжалась уже вдвое дольше. Следует, однако, отметить, что его предшественник и бывший командующий Метелл подготовил почву для его успеха.

В это же время велись и другие войны — в Македонии и Испании. Для всех этих военных действий постоянно требовались новые наборы рекрутов; но цель и смысл происходившего оставались скрытыми от тех, кто сражался. Мелкие землевладельцы и союзники, естественно, все менее охотно являлись по призыву консула, дезертирство стало широко распространенным явлени-

ем, и заставлять солдат сражаться становилось трудно. Еще труднее было поддерживать внутреннюю дисциплину в армии.

С армией, находившейся в таком состоянии, причем в то время, когда часть ее была занята в Африке, римлянам пришлось столкнуться с грозным и могущественным противником. В 113 году до н. э. кимвры и тевтоны, представлявшие собой ряд германских и кельтских племен, приблизились к римской границе, а два года спустя хлынули в новую римскую провинцию Нарбонскую Галлию. Одна римская армия за другой терпела поражение; а две соединенные армии потерпели страшное поражение при Араузионе (современный Оранж) в Южной Галлии. Италии угрожала непосредственная опасность. К счастью для Рима, тевтоны остались в Галлии, а кимвры вместо вторжения в Италию отправились завоевывать Испанию. И все же Рим предвидел возможность того, что германцы и кельты в конце концов появятся в Италии; и граждан, которые не могли забыть, как около 390 года до н. э. Рим был взят и сожжен галлами, охватили мрачные предчувствия.

Опасность была столь непосредственной, что сенат не возражал против избрания консулом Мария, победителя Югурты и вождя народной партии; более того, впоследствии он даже допустил его переизбрание на три года подряд, с 104 по 102 год до н. э., хотя это противоречило всем римским политическим традициям. Первым делом Мария стала реформа армии. Под давлением обстоятельств эта армия на практике уже перестала быть ополчением граждан-землевладельцев, ежегодно являвшихся по призыву. Ополчение постепенно превратилось в постоянную армию, поскольку существование провинций требовало постоянного присутствия такой военной силы. Обычай, согласно которому армия комплектовалась исключительно из римских граждан, владевших землей, делал практически невозможным достаточно быстрое пополнение ее рядов. Уже говорилось, что люди не желали служить в армии годами, все это время зная, что их земля дома приходит в упадок. Между тем, по мере сокращения числа землевладельцев, рекрутов снова и снова набирали из одних и тех же семей, тогда как постоянно увеличивавшееся безземельное население городов

и деревень почти совершенно избегало военной службы. Марий осуществил свои реформы в мрачные дни Кимврской войны и навсегда положил конец представлению об ополчении, состоящем из землевладельцев. Он призвал под знамена пролетариат, привлекая его жалованьем и обещанием земельных наделов после окончания срока службы. Таким образом, прежнее ополчение превратилось в профессиональную армию добровольцев, служивших в течение длительного срока. С помощью этой новой армии Марий смог защитить Италию от вторжения кимвров и тевтонов в 102 году до н. э.: часть их была разбита и уничтожена при Аквах Секстиевых (современный Экс) в Южной Галлии, а остальные — при Верцеллах в Северной Италии.

Трудности Рима в эти тревожные годы усугублялись новым восстанием рабов на Сицилии, продолжавшимся три года, с 104 по 101 год до н. э. На море деятельность пиратов также сделала всякую торговлю невозможной, и в 102 году до н. э. против них пришлось направить сильный флот под командованием претора Антония. Однако облегчение, достигнутое этой экспедицией, оказалось лишь временным. Все эти бедствия, унижавшие гордость граждан и затрагивавшие их материальное благосостояние, сильно подорвали авторитет сената в глазах населения и вновь выдвинули на первый план вождей народной партии, которая никогда не прекращала своих яростных нападок на сенат. Одним из этих вождей был Марий, другим — Апулей Сатурнин.

В 100 году до н. э. Марий был избран консулом в шестой раз и при помощи Сатурнина попытался провести аграрный закон, предусматривавший наделение землей в недавно завоеванной части Южной Галлии его ветеранов и представителей пролетариата; одновременно он потребовал отправить в западные провинции несколько колоний, составленных из римских граждан и союзников. Система романизации Запада путем изыскания земель для наделов не в Италии, а в провинциях продолжала дело, начатое Гаем Гракхом; новым элементом была привилегия, предоставлявшаяся тем представителям пролетариата, которые служили в армии. Но закон Сатурнина наносил ущерб интересам крупных капитали-

стов, владевших землей в провинциях и надеявшихся приобрести еще больше в Галлии. Поэтому эти предложения привели к новому вооруженному столкновению между сенатом и народной партией — столкновению настолько серьезному, что сам Марий, автор этих предложений, был вынужден помочь сенату в подавлении мятежа и уличных боев, начатых Апулеем Сатурнином.

Еще более серьезные последствия вызвала попытка Ливия Друза в 91 году до н. э. провести ряд мер, частично заимствованных из программы Гая Гракха и в целом неприемлемых для сената. Главной из этих мер было предоставление римского гражданства всем италийцам в качестве возмещения за землю, на которой предполагалось поселить двенадцать новых колоний, составленных из пролетариата Рима и беднейшего населения Италии. Стремясь провести этот закон, Друз заключил тайное соглашение с италийскими вождями, и они поклялись лично ему в верности. Расширение гражданских прав встретило ожесточенное сопротивление. Тем не менее Друз не отступал и намеревался поставить закон на голосование, но в ночь накануне отложенного заседания был при загадочных обстоятельствах убит. Его смерть не остановила италийцев. Они были готовы отстаивать свои требования с оружием в руках и немедленно начали тяжелую и кровопролитную войну против Рима. Вначале они требовали лишь допуска к римскому гражданству, но в разгар борьбы провозгласили своей целью полное уничтожение римского верховенства и создание новой Италийской конфедерации, в которой Рим занимал бы такое же положение, как и остальные союзники.

Италийская, или Союзническая, война продолжалась более трех лет, с 91 по 88 год до н. э. Противники были одинаково хорошо подготовлены, одинаково вооружены и одинаково храбры; еще совсем недавно они плечом к плечу прошли победоносным маршем через весь цивилизованный мир, и потому борьба между ними отличалась необычайным ожесточением и унесла огромное число жизней. Обе стороны были воодушевлены убеждением в правоте своего дела. Поэтому по числу жертв, принесенных с обеих сторон, с этой войной могли сравниться лишь Пунические войны.

Она закончилась только тогда, когда оба противника поняли, что продолжать ее бесполезно. Италийцы осознали, что не могут соперничать с Римом, который мог черпать людей и деньги не только из всего гражданского населения, но и из всех провинций; особенно ценна была помощь отрядов, набранных в Испании. С другой стороны, и Рим был готов пойти на соглашение, поскольку война подрывала его всемирное господство.

Беспорядки в Италии ослабили на Востоке веру в непобедимость Рима. Восток с надеждой следил за растущим влиянием и военной мощью Митридата VI, царя Понта, который с 125 года до н. э. сумел присоединить греческие колонии на северном и кавказском побережьях Черного моря и искусно расширил границы своих владений в Малой Азии. Одновременно он подготовил сильную армию и флот на случай вооруженного столкновения с Римом. На это столкновение он решился под впечатлением Союзнической войны. В 89 году до н. э. Риму пришлось считаться с тем, что значительная часть эллинизированного Востока встала на сторону Митридата; что все латиноговорящее население Малой Азии, все римские должностные лица и торговцы, проживавшие на Востоке, были перебиты; и что Делос, главный торговый центр Эгейского моря и римский рынок рабов, был захвачен и разграблен Митридатом, а его италийские жители истреблены.

Грекам, присоединившимся к Митридату и помогавшим ему истреблять римских граждан и уроженцев Италии, было суждено пережить жестокое разочарование: царь Понта был лишь наполовину цивилизованным, жестоким и самовластным правителем, и его господство оказалось куда более горьким, чем вмешательство римских магистратов. Но в данный момент опасность, угрожавшая Риму, была серьезной. Потеря престижа на Востоке в разгар яростной войны в Италии сама по себе представляла угрозу; но еще опаснее была потеря доходов от богатейших провинций именно тогда, когда потребность в деньгах была особенно велика и когда успех в Союзнической войне зависел от наличия денежных средств. Поэтому было совершенно необходимо, чтобы римская армия появилась на Востоке. Но ради достижения этой цели при-

ходилось идти на уступки в Италии: союзников следовало заставить прекратить или, по крайней мере, ослабить свои действия против Рима.

Поэтому италийцам были предложены условия мира. Римское гражданство обещали всем, кто сложит оружие; новых граждан предполагалось зачислить в небольшое число триб — наши источники расходятся в том, были ли эти трибы вновь созданными или уже существовавшими. Такое решение вопроса в известной степени удовлетворяло италийцев и было приемлемо также для прежних граждан. Следует помнить систему голосования в народном собрании: каждая триба голосовала отдельно, и решение принималось не большинством голосов присутствующих избирателей, а большинством голосов, поданных трибами. Поэтому, если союзников включали всего в восемь триб, независимо от того, были ли эти трибы новыми или нет, они получали лишь восемь голосов, какова бы ни была их действительная численность; прежние же римские граждане по-прежнему сохраняли полное преобладание. Изнуренное войной большинство италийцев приняло эти условия. Случилось также, что изгнание Митридата из Греции и Малой Азии имело особенно большое значение для италийцев, поскольку большинство деловых людей на Востоке были италийцами, а не римскими гражданами. Лишь самниты отказались принять римские предложения. Но когда Италийская война свелась к новому конфликту с самнитами, она начала постепенно затихать, предоставив Риму возможность приступить к систематическим военным действиям против Митридата.

Таково было положение в Риме, когда возник спор, сам по себе не имевший первостепенного значения, но вызвавший столь ожесточенную борьбу, что она привела к яростной гражданской войне. Спор шел о том, какой полководец и какая армия должны быть отправлены на Восток. С точки зрения государственного устройства ответ был совершенно ясен: одного из двух консулов 88 года до н. э. следовало избрать по жребию для командования экспедицией. Жребий выпал Луцию Корнелию Сулле, герою последнего этапа Италийской войны, победоносная армия которого стояла в

Кампании. Это был удачный результат, поскольку Сулла являлся способным полководцем и пользовался любовью солдат. С другой стороны, он был врагом демократической партии и противником дальнейших уступок италийцам. Этого оказалось достаточно, чтобы вспыхнуло пламя партийной борьбы. Вопреки всем традициям демократическая партия выдвинула собственного кандидата — Мария, великого народного героя, спасителя Рима от кимвров и тевтонов. Опираясь на учение Гракха о том, что верховная власть народа распространяется и на внешние дела, демократы при помощи Сульпиция Руфа, искусного политика, провели через народное собрание предложение передать командование Марию; одновременно они пытались заручиться поддержкой италийцев, ненавидевших Суллу, предоставив им полные права римских граждан.

Под угрозой смерти Сулла был вынужден уступить: он бежал из Рима к своей армии в Кампании. Казалось, его дело совершенно безнадежно. Но легионы в Кампании поддержали его. Они были уверены, что именно он поведет их в выгодную и сравнительно бескровную кампанию на Востоке, откуда они вскоре вернутся в Италию, чтобы поселиться на богатых землях, отнятых у италийцев. Теперь все эти надежды рушились. Если на Восток отправится Марий, он не возьмет их с собой. Оставался лишь один путь: они могли силой заставить Рим подчиниться воле легионов, то есть совершить первую военную революцию. Необходимо было спешить, поскольку каждый день промедления делал успех все менее вероятным. Соображения долга были отброшены; Италийская война уже приучила римского солдата сражаться против своих братьев. Полководец и армия быстро приняли решение выступить против Рима. Только офицеры отказались последовать за ними. Город был взят штурмом; хотя Марию удалось бежать, вожди противоположной партии были уничтожены, а новые демократические законы отменены.

После этой легкой победы над соперником перед Суллой открывались два возможных пути. Он мог либо остаться в Италии и готовиться к неизбежному продолжению гражданской войны, либо предоставить Италию самой себе и отправиться на Восток,

чтобы вернуться оттуда победителем, располагая возросшими средствами и преданной армией, готовой исполнить любой его приказ. Он избрал второй путь. Если бы он остался в Италии, сомнительно, чтобы его войска продолжали его поддерживать. Перед отъездом в Грецию и Азию он поспешно провел несколько реформ — предвестие той полной программы, которую впоследствии ему предстояло осуществить и которая была направлена на восстановление господства сената.

Сразу после его отъезда власть перешла в руки его соперников. Руководство государственными делами сосредоточилось в руках демократов во главе с Марием и Цинной; первый сломил сопротивление сената при помощи войск, оставшихся в Италии, и жителей италийских городов. Тогда начался первый продолжительный террор, которому впоследствии еще не раз предстояло повториться. Врагов демократии убивали сотнями — по доносам и подозрениям, без суда и следствия. Все жертвы принадлежали к сенаторскому или всадническому сословию. Резня отчасти совершалась отрядами рабов, освобожденных Цинной, вторым вождем демократической партии; в конце концов сам Цинна был вынужден уничтожить этих палачей при помощи отряда галльских солдат. 88 и 87 годы до н. э. были посвящены этому истреблению противников. Марий и Цинна были избраны консулами на следующий год. В первый месяц своего консульства Марий умер.

Тем временем Сулла изгнал Митридата из Греции и одновременно защищался от Л. Валерия Флакка, преемника Мария по консульству, который был отправлен с армией на Восток для борьбы как с Митридатом, так и с Суллой. Хотя война с царем еще не была закончена, положение в Италии вынудило Суллу, после восстановления римского господства в Греции и Малой Азии, заключить мир на условиях, приемлемых для Митридата и не слишком почетных для Рима. Затем он заставил сдаться соперничавшую с ним римскую армию; эта армия подняла мятеж против Флакка и убила его, а командовал ею Фимбрия, квестор, который и спровоцировал мятеж. Теперь цель Суллы на Востоке была достигнута. По крайней мере на время он обезвредил Митридата; его армия

захватила богатую добычу и рассчитывала на земельные пожалования в Италии, которые мог предоставить ей только он; разграбление Востока сосредоточило в его руках огромные денежные суммы; а господство над Востоком обеспечивало ему постоянный приток новых средств. Несмотря на некоторые попытки сената договориться с ним, возобновление гражданской войны было неизбежно; и Сулла был к ней готов.

Демократы также подготовились. Они рассчитывали главным образом на поддержку италийцев, особенно самнитов. Столкновения начались уже в 85 году до н. э. На протяжении всего следующего года предпринимались попытки воспрепятствовать высадке Суллы в Италии. Эти попытки не удались, и Италия вновь стала ареной беспощадной гражданской войны, продолжавшейся два полных года. В конце концов демократы были окончательно разбиты: им не удалось объединить свои силы под единым командованием или сохранить верность гражданской армии. Хотя италийцы оставались им верны, легионы, состоявшие из римских граждан, постоянно переходили под знамена Суллы. Война завершилась ожесточенными сражениями при Пренесте в Лации и у стен Рима, в которых римские граждане и союзники, особенно самниты, гибли десятками тысяч. Чтобы показать холодную жестокость, с которой Сулла расправлялся со своими врагами, приведу лишь один эпизод. После взятия Рима 3 ноября 82 года до н. э. состоялось заседание сената. Когда сенаторы пришли в ужас от криков, доносившихся из соседнего здания, Сулла прервал свою речь словами: «Продолжим наши дела, сенаторы; это всего лишь небольшое число мятежников, которых по моему приказу казнят». В действительности в этом здании убивали 8000 самнитов, которым Сулла обещал помилование.

Победитель последовал недавнему примеру демократов как в беспощадном истреблении своих политических противников, так и в средствах, с помощью которых оно осуществлялось. Но к этому слепому уничтожению была добавлена известная система — посредством учреждения, чья позорность усугублялась видимостью законности. Оно получило название «проскрипций». Без

суда, расследования и доказательства вины один за другим вывешивались списки обреченных; за их убийство назначалась награда, независимо от того, совершал его раб или вольноотпущенник. Пример, поданный таким образом Суллой, впоследствии нашел немало подражателей.

Однако мотивами Суллы были не только жестокость и стремление укрепить личную власть. Истребляя самнитов, он намеревался положить конец Италийской войне и считал террор неизбежным, если Италия должна была быть окончательно объединена и латинизирована. Его меры оказались действенными: нет сомнения, что почти полное уничтожение самнитов ускорило процесс латинизации Южной Италии. Но разве не существовало другого способа? Латинизировать пустыню, в которую была превращена значительная часть самнитской территории, было нетрудно.

У жестокостей Суллы имелась и другая цель: он хотел устранить все препятствия для проведения задуманных реформ. Основной частью его программы было восстановление и усиление власти сената, а также улучшение системы управления провинциями. Поскольку единственными противниками сената были трибуны, удары Суллы были направлены прежде всего против них и против их орудия — собраний римского пролетариата, выдававшихся за собрания римского народа. Он нанес удар по пролетариату, лишив его права на дешевое зерно, надеясь таким образом прекратить его приток в Рим. Кроме того, хотя постановления плебса по-прежнему считались имеющими силу закона, он провел закон, согласно которому все законопроекты, вносившиеся трибунами, должны были сначала представляться сенату и получать его одобрение, прежде чем поступить на рассмотрение народного собрания. Одновременно было ограничено право вето, принадлежавшее трибунам. Таким образом, эта должность утратила почти всякое политическое значение, сохранив лишь право оказывать индивидуальную помощь плебеям. Даже право вершить суд было фактически отнято у плебейских собраний: большинство политических и уголовных дел теперь, согласно новым законам, передавалось на рассмотрение специальных постоянных судов, в которых предсе-

дательствовал претор, а присяжными были сенаторы. Должность трибуна стала не только непривлекательной, но и прямо вредной для политической карьеры, поскольку бывшие трибуны лишались права добиваться высших магистратур; тем самым для них становилось невозможным войти в сенат, командовать армией или управлять провинцией.

Власть и авторитет сената были увеличены за счет трибунов и народного собрания. Все права, которыми сенат обладал до законодательства Гракхов, теперь были ему возвращены. Для Суллы было очевидно, что сенат способен управлять всемирной державой, тогда как римская толпа — нет. Целой серией законов, на которых впоследствии основывалась его деятельность, сенат был превращен в фактического главу государства, а магистраты поставлены в зависимое от него положение. Эти законы строго определяли служебную карьеру магистратов и ограничивали их власть. Был вновь введен в действие устаревший закон 342 года до н. э., требовавший, чтобы между двумя занятиями одной и той же должности проходило десять лет; кроме того, был принят закон, основанный на законе 180 года до н. э., который устанавливал возраст кандидатов и порядок занятия должностей: никто не мог стать квестором раньше тридцати лет, а претором — раньше сорока; специально предусматривалось, что между занятием одной магистратуры и другой должно пройти два года. Еще большее значение имело установление, согласно которому магистраты должны были оставаться в Риме в течение всего года исполнения своей должности. Лишь в исключительных случаях и по прямому назначению сената консулы могли вести войну в провинциях, также поручавшихся им сенатом. Каждый консул и претор в течение года своего пребывания в должности назначался сенатом на последующую должность, обычно на управление провинцией. После окончания консульства и претуры они отправлялись в свои провинции в качестве проконсулов и пропреторов и оставались там до тех пор, пока назначенный сенатом преемник не прибывал им на смену. Таким образом, верховный контроль над всем государством принадлежал сенату. Консулы и преторы были его послушными слугами,

поскольку только сенат мог назначить их в провинцию, а до получения провинциального наместничества ни один магистрат не обладал военной властью. И даже в своей провинции наместник находился в таком же подчиненном положении: сенат по своему усмотрению мог продлить или не продлить срок его полномочий; мог присудить ему триумф или отказать в нем; а после окончания срока службы мог потребовать от него отчета за его действия.

Кроме того, законы Суллы вернули сенаторам всю полноту судебных полномочий. Присяжные в высших судах избирались из числа сенаторов, тогда как всадники были полностью устранены от этой функции. Опасность того, что проконсулы и пропреторы, подобно самому Сулле, смогут с помощью вооруженной силы подчинить себе сенат, была уменьшена законом, согласно которому в Италии не должно было находиться армии, а солдаты по возвращении из провинций обязаны были складывать оружие и становиться обычными гражданами. Кроме того, сами проконсулы, переступая границу столицы, утрачивали военную власть и становились обычными гражданами, подобно своим солдатам. Таким образом, политика Суллы заключалась не просто в восстановлении власти сената. Это была первая попытка поставить эту власть под защиту закона, заменить традицию законодательством, придать законную форму господству римской олигархии и окончательно устранить все попытки противопоставить власть трибунов и народного собрания власти сената.

Сулла осуществлял свои реформы в звании диктатора «для устройства государства» (rei publicae constituendae), избранного народом на неограниченный срок. Таким образом, он обладал самодержавной властью. В качестве опоры он использовал 120 000 ветеранов, которых расселил по всей Италии в тех городах, население которых было почти полностью уничтожено во время Союзнической войны, а также на землях, конфискованных у лиц, подозревавшихся в симпатиях к демократам. Эти ветераны получили крупные земельные наделы и образовали в италийских городах привилегированный и господствующий слой. Им не разрешалось продавать свои наделы. В этом отношении Сулла в

известной мере продолжал дело Гракхов. Однако его целью было не восстановление старого италийского крестьянства, а создание или, точнее, укрепление класса мелких землевладельцев. В Риме его поддерживали 40 000 освобожденных рабов, которые все приняли его родовое имя и назывались Корнелиями; вероятно, прежде они принадлежали демократам, казненным по его приказу. Их число служит показателем огромного богатства, накопленного Суллой; его сторонники также составили себе громадные состояния. Все это богатство, являвшееся результатом узаконенного грабежа, расточалось столь же быстро, как и приобреталось. Его обладатели, разумеется, вместе с ветеранами и вольноотпущенниками отличались яростной преданностью Сулле.

Сам диктатор, однако, рассматривал свою самодержавную власть лишь как временное средство и никогда не помышлял сохранять ее пожизненно. Он не был честолюбив и верил, что олигархическое государственное устройство, которому он придал законную форму, сможет просуществовать долго. Поэтому, завершив свои реформы, он сложил с себя власть и в 78 году до н. э. удалился из Рима в Южную Италию. Там он жил как частное лицо, но недолго: менее чем через год после своего ухода от дел он умер.

ГЛАВА XI

Помпей и Цезарь: второй этап гражданской войны

Страдания Италии в первые десять лет гражданской войны, сколь бы ужасны они ни были, являлись лишь началом еще более продолжительного и кровопролитного конфликта; они скорее разжигали, чем ослабляли ярость партийной борьбы в Риме и Италии. Хотя народная партия потерпела поражение и почти все ее вожди были уничтожены, она сохранила способность к возрождению. Некоторые аристократы, возглавлявшие эту партию, каким-то образом уцелели; и эти люди ненавидели сенат сильнее, чем когда-либо, и были готовы воспользоваться любым оружием, лишь бы лишить его власти. Существенные разногласия во взглядах были оставлены без внимания; стремление улучшить социальное и экономическое положение граждан было отложено в сторону; и осталось лишь личное чувство ненависти между вождями двух частей общества. Ни одна из партий не испытывала недостатка в сторонниках; однако недовольных было гораздо больше, чем довольных. У сената и государственного устройства Суллы было множество врагов — дети казненных вождей демократов; землевладельцы, чьи земли были отняты у них для обеспечения ветеранов Суллы; и солдаты демократических армий, так и не получившие земельных наделов, на которые они рассчитывали. Даже ветераны Суллы не были сторонниками сената: они сражались только за Суллу и после его смерти были готовы служить под началом любого, кто дал

бы им и их детям возможность вновь приобрести богатство без особой опасности. Многие из них уже расточили свои неправедно приобретенные богатства; и их земельные наделы постепенно переходили из их рук к другим владельцам. Таким образом, после смерти Суллы в Италии не было спокойствия и почти не оставалось надежды на прочный мир.

Особенно сильное брожение наблюдалось среди огромного числа рабов в Италии и на Востоке: смуты гражданской войны открыли им глаза на слабость их господ. Некоторые рабы бежали и пополняли ряды отважных пиратов, вновь овладевших Средиземным морем и образовавших нечто вроде организованного союза, главными центрами которого были Киликия и Крит; другие объединялись в разбойничьи шайки, грабившие поместья знати и подстерегавшие путешественников на дорогах Италии и Малой Азии. На границах положение также было неудовлетворительным. В Испании остатки демократической партии и ее армий сплотились вокруг Сертория, который управлял Испанией в интересах этой партии; его силы пополняли воинственные племена Португалии, возмущенные притеснениями римского провинциального управления. На Востоке Митридат восстанавливал и расширял свое царство, набирал новую армию и строил сильный флот. В союзе с анатолийскими и критскими пиратами и с Серторием в Испании Митридат вновь надеялся осуществить свое стремление создать греко-восточную империю, независимую от Рима. Беспорядки происходили и в самом Риме. Демократы во главе с Лепидом надеялись, что смерть Суллы вернет им власть; однако попытка восстановить трибунат и тем самым возобновить на форуме борьбу с сенатом окончилась неудачей. Тогда Лепид попытался вновь разжечь пламя гражданской войны: когда год его консульства закончился, он привел вооруженные силы из своей провинции Цизальпинской Галлии, то есть Северной Италии, намереваясь захватить столицу. Но и на этот раз он потерпел неудачу: его армия была разбита силами сената, а уцелевшие отплыли сначала в Сардинию, а затем к Серторию в Испанию.

Сенат был не в состоянии справиться со всеми этими ослож-

нениями и опасностями обычными средствами, то есть отправляя одного из ежегодно избиравшихся магистратов во главе ополчения, набранного в Италии. Время для подобных мер уже прошло; Сулла осознал это, когда передал военную власть в государстве чрезвычайным магистратам — проконсулам и пропреторам, назначавшимся сенатом. Но даже это средство оказывалось несостоятельным в наиболее серьезных чрезвычайных обстоятельствах. Солдаты не желали сражаться под началом какого-либо полководца, если хорошо его не знали и долго под его командованием не служили, а также если не могли ожидать от него таких же наград, какие Сулла дал своим ветеранам. Поэтому сенат, после тщетных попыток разрешить свои затруднения обычными средствами, был вынужден, желал он того или нет, создавать чрезвычайные командования, которые, в нарушение государственного устройства, предоставлялись определенным лицам на длительный срок. В период, последовавший за смертью Суллы, за такие командования развернулась ожесточенная борьба, поскольку любой победоносный полководец благодаря им мог сделаться хозяином Рима и занять место Мария или Суллы. Задача сената состояла в том, чтобы определить среди претендентов на подобные командования тех людей, которые с наименьшей вероятностью могли свергнуть господство сената. Это была задача, едва ли допускавшая решение.

Среди тех, кто претендовал на место Суллы, был один человек, выдвинувшийся еще при его жизни. Это был Гней Помпей — молодой и способный, очень богатый и безмерно честолюбивый. Своим положением он был целиком обязан той роли, которую сыграл в революционные времена. Во главе армии, самостоятельно набранной им из собственных клиентов и арендаторов, он, не имея никаких полномочий от государства, с большим усердием сражался на стороне Суллы в гражданской войне. Одержав блестящие победы в Италии, он затем был отправлен на Сицилию и в Африку для борьбы с остатками демократических армий. По возвращении он получил прозвище Великий (Magnus) и был удостоен триумфа. Последняя почесть была незаконной по двум основаниям: он не являлся римским магистратом и потому не имел

права справлять триумф; кроме того, триумф предоставлялся лишь полководцу, победившему внешнего врага в «законной войне» (bellum iustum), тогда как взаимное истребление граждан такой войной не являлось и законом таковой не признавалось. Когда Сулла умер, Помпей находился в Италии во главе армии. Сенат воспользовался им для подавления революционной попытки Лепида. Но за его услуги пришлось заплатить высокую цену: Помпей потребовал чрезвычайного командования в Испании для борьбы с Серторием, и отказать ему в этом требовании было невозможно. Война в Испании затянулась на семь лет, с 78 по 72 год до н. э. Помпею удалось положить ей конец; однако своим успехом он был обязан главным образом внутренним раздорам среди противников, последовавшим за рядом поражений: римские полководцы Серторий и Перперна поссорились между собой, а испанцы — с римлянами. Эти раздоры завершились предательским убийством Сертория, который от начала и до конца был душой войны.

Тем временем положение на Востоке приближалось к кризису. Сенат был не в состоянии обычными средствами сдержать растущее могущество Митридата. Когда Никомед III умер и завещал Риму свое Вифинское царство, Митридат смело проигнорировал завещание и захватил царство. Сенат вновь был вынужден создать чрезвычайное командование: в Малой Азии, куда с сильной армией и флотом были отправлены Л. Лукулл и Аврелий Котта, консулы 74 года до н. э., тогда как М. Антоний, получивший чрезвычайно широкие полномочия на всем побережье Средиземного моря, должен был вести борьбу с пиратами, состоявшими в союзе с Митридатом. Война велась медленно. Антоний действовал неудачно; Лукулл добился большего успеха, изгнав Митридата из Малой Азии обратно в Армению и нанеся тяжелое поражение Тиграну, царю Армении и союзнику Митридата.

Война на Востоке еще только начиналась, а в Испании была еще далека от завершения, когда Капуя в Италии стала центром объединения всех шаек беглых рабов, скитавшихся по стране, а также других недовольных слоев населения. Отряд гладиаторов во главе с фракийцем Спартаком вырвался из своих казарм в Капуе и распо-

ложился на склонах Везувия, где вскоре превратился в организованную и хорошо вооруженную силу. Кельты и фракийцы, превосходные бойцы от природы, составляли ядро этой армии; и эти люди не были простыми варварами: они прекрасно знали, что их соплеменники на далеком севере не только свободны, но и сильны, и имели основания надеяться, что смогут с боем пробиться обратно в свою страну. Если они проиграли эту борьбу, то вовсе не потому, что сенат оказался способен справиться с восстанием. Спартак, одерживая одну победу за другой, действительно открыл путь на север; однако значительная часть его армии предпочла остаться в Италии, грабя и убивая своих прежних господ; вследствие этого сила восставших рабов постепенно стала таять. Но даже тогда сенат смог справиться с этими сокращавшимися ордами разбойников лишь посредством создания еще одного чрезвычайного командования: в 71 году до н. э. он поручил Марку Лицинию Крассу, претору и одному из офицеров Суллы, довести войну до конца.

К 70 году до н. э. кризис во внешних делах миновал: в Испании был восстановлен мир, когти Митридата были подрезаны, в Италии рабы были безжалостно перебиты, и только пираты по-прежнему бросали вызов могуществу Рима. Но внутри страны существовало сильное недовольство, особенно среди всадников, деловых людей и капиталистов. Разрушения, произведенные рабами в Италии, затронули их не меньше, чем сенаторов; однако успехи пиратов и затягивание войны на Востоке еще сильнее вредили их интересам. У них была и другая причина для недовольства: Сулла лишил их всякого участия в государственной жизни, возвратив суды присяжных сенату. Демократическая партия также вновь поднимала голову. Помпей и Красс, каждый во главе победоносной армии, стояли лагерем под стенами Рима; и каждый требовал, чтобы ради него законы Суллы были нарушены: они требовали триумфа и права выставить свои кандидатуры на консульских выборах на 70 год до н. э., не вступая в город и тем самым не слагая с себя своих исполнительных полномочий.

Сенат противился этим требованиям не потому, что они были незаконными, а потому, что опасался вновь превратиться в орудие